

А. Ю. Колеватова, г. Тюмень

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕТСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. Я. ЛАГУНОВА

Детская художественная литература была всегда ориентирована на вечные, незыблемые гуманистические ценности, учила различать добро и зло, правду и ложь. Специфические для детских произведений приемы, средства и формы были направлены на то, чтобы облегчить маленькому читателю восприятие художественной реальности. Надо сказать, что ономастическая лексика, которая является важной структурообразующей частью художественного текста, также подвергается переориентации на детское восприятие. Нам, в этой связи, представляется актуальным обращение к исследованию ономастического пространства детской литературы эпического жанра тюменского писателя Константина Яковлевича Лагунова, автора множества художественных произведений, а также сотен газетных и журнальных публикаций, в которых он рассказывает про историю сибирского края в различные его периоды, рассуждает о современной для него действительности с духовно-нравственной и философской точек зрения. Раскрыть художественное своеобразие ономастической поэтики Лагунова, как нам кажется, — это значит не только выявить специфику художественно-образного мышления писателя, но и определить его вклад в региональную литературу.

Ономастическое пространство (ОП) детских повестей-сказок К. Я. Лагунова определяется законами жанра, художественным методом писателя, родом и видом самого литературного произведения, принципами его построения, а также особенностями воплощения сюжета, действие которого разворачивается в двух плоскостях — в воображаемом мире и мире реальном. Это сочетание сказочности и реалистичности можно проследить на ономастическом уровне произведения, так как окказиональные номинации персонажей создаются автором на основе реальных ономастических моделей, присутствующих существующему национальному именованию.

В зависимости от сюжета произведения роль ядра ОП в сказках выполняют разные группы онимов. Так, в сказке «Городок на бугре» преобладают фитонимические номинации, используемые в качестве антропонимов (Кукурузинка, Боб Бобыч, Реп Репъевич). В «Зяблике» сюжет разворачивается в сказочном пространстве, где мир природы одушевлен и принимает активное участие в жизни героя, но при этом представители мира природы не являются полноценными героями, а лишь выполняют вспомогательную роль героев-помощников. Поэтому назывная лексика, идентифицирующая данных персонажей, относится к периферийным группам ОП: Солнышко, Ветерок, Тополь, Репейник, Крапива, Кочки, Кусты. Центральное место в ОП отводится антропонимам (дядя Паша, Никитич, Семёновна), и в большей степени апеллятивным номинациям (Зяблик, красная разведчица, красноармейский командир, Красные, Белые).

ОП сказок, где главными героями являются животные, представлено разнообразными назывными конструкциями. Центральное место в них отводится зоонимам, причем именование может быть, как узуальной, так и окказиональной анималистической номинацией. Так, например, в ономастике повестей-сказок большинство зоонимов составляют апеллятивы перешедшие в разряд имен собственных: Лось, Львица, Козёл, Лис, Щука и др. Такая номинация обычно присуща эпизодическим или же внесюжетным героям. Помимо этого, ОП сказок составляют фитонимические номинации (Рябинка-Полинка, Ёлочка, Сосна, гриб Подберёзовик, Кедр-великан), мифонимы (Леший, Оборотень, Баба— Яга — костяная нога, страшный злодей Кашей Бессмертный, Иван— царевич, Бова-королевич, Царевна-лягушка), астрономы (Солнце, Луна — Солнца великого дочь), антропонимы (Степан Иванович, Витя, тётя Капа).

Вымышленные имена героев используются в комплексе с безантропонимными номинациями, с так называемыми словами-актуализаторами (термин Лукошковой). Такие комплексы, образующие вместе с апеллятивом именную группу можно назвать сложной описательной номинацией лица: учитель Одуванчик, маляр Горошек, стекольник Маковка, плотник Орешек. В данном случае безантропонимный компонент характеризует персонажа по роду занятий/профессии. Иногда в структуру литературного имени включается характеристика по званию/исполняемой должности: Сторожевой Комар, господин Крысаин, Главный Жук, Верховный Паук, ваше Гнусное Гнусячество, мышинная Королева. Таким образом, лексический сопроводитель нарицательного имени, используемого автором в функции

собственного, не только определяет presupпозиционную информацию (вот это плотник, а вот это сторожевой), но и соотносит вымышленного персонажа (Маковку, Одуванчика и прочих) с реалиями невымышленного мира, мира в котором живет маленький читатель. Именно поэтому ряд фантастических персонажей очень легко воспринимается как ряд реальных объектов.

Часто для номинации персонажей К. Я. Лагуновым используются безантропонимные описательные конструкции или слова, характеризующие героя/героев в общих чертах. При помощи такого приема автор предоставляет читателю информацию, которая помогает:

— определить роль героя в сюжете (в конкретный момент действия или во время всего повествования) — иноземцы, незнакомцы — герои, которые ранее не упоминались в сказке, незнакомец, пришелец, «странные, неведомые существа»;

— подчеркнуть черты внешности, выделяющие персонажа — «маленький проворный паучок» (Водомерчик), «этот живой клубок огня», «дикивинные шарообразные существа»;

— выделить преобладающие черты характера, качественные характеристики — «этот лысый обжора», «красивый и глупый щенок», «друг четвероногий», «длиннохвостые хвостатики, усастики и волосатики»;

— идентифицировать персонажа, до его «официального» представления автором — «дикивинное колесо, странное колесо», «самокатка — круглая загадка», «странные/ дикивинные существа», «интересные создания», «странные колобки», шарики, «какой-то ком», «большая круглая лохматая голова», «длинная серая тень», «кто-то черный и лохматый».

Стоит отметить, что невозможно однозначно распределить все описательные конструкции и выраженные апеллятивами слова-метки на группы в зависимости от исполняемых ими функций в произведении, так как одна номинация может быть использована писателем для выполнения одновременно нескольких задач.

Как уже отмечалось ранее, для поэтонимии повестей-сказок К. Лагунова характерно использование как узуальных (массовых, регулярно воспроизводимых) ономастических единиц, так и окказиональных онимов. Например, собаки, являющиеся главными героями цикла «Ромка и его друзья» и произведения «Мишель», обладают общеупотребительными зоонимами: Ромка, Фомка. Номинации Артос, Мишель — несколько выделяются на фоне предыдущих кличек на основании того, что их можно отнести к иноязычному ономастикону.

Надо сказать, что окказиональные наименования детских произведений Лагунова обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности и, как правило, экспрессивно окрашены. Такие онимы могут быть мотивированы прямо: а) внешностью (в основном это цветоописательные конструкции) — Красный Лис, Черный Кот, Черная Кувшинка, Белый Пес Синий Хвост, Рыжий Котище, Очковая Змея (данный случай примечателен тем, что реально существующее наименование вида змеи обыгрывается в повести наличием у персонажа очков); б) характером — Гнусный Гнус, Гад Гадович, Хитрей Мудреич, Туча — Злюча. Косвенная мотивация требует работы воображения, более длинной ассоциативной цепочки: Соня Первый Котофеич — первый царь сонного царства Спиешпей. Фурфура Царапус — чье имя созвучно с названием римских богинь мести — фурий (в переносном значении данное слово также используется по отношению к злым женщинам), которых изображали со змеями вместо волос. Отметим, что в тексте персонаж получает характеристики, позволяющие соотнести его с представителем «змеиных» — Змеем-Горынычем: чернокрылая трехглавая злодейка, трехглавая огнедышащая птица.

Интерес представляет именование Зяблик, в основу которого положен метафорический перенос: небольшой размер птички соотносится с молодым возрастом мальчика и, следственно, тем, как его видят более взрослые герои, и как по отношению к ним его воспринимает сам читатель. Красный окрас оперения на груди, должен ассоциироваться с движением красноармейцев (ср.: Красный зяблик), чье задание выполняет мальчик и которые противопоставлены движению белых, представленных автором с отрицательной оценкой (можно подчеркнуть присутствие идеологической функции онима, которая сокрыта во внешнем виде птицы).

Окказиональные именованья животных и птиц могут комментироваться в самом произведении. При этом контекст, объясняющий выбор зоонима, может быть различным по объему — от одного слова до целого текста — в зависимости от художественной целесообразности. Мотивированность может выражаться не только на лексико-семантическом уровне, но также на словообразовательном, синтаксическом, фонетическом и морфологическом. Так, например, особый тип экспрессивной мотивировки

имен собственных в художественном тексте наблюдается благодаря звуковым ассоциациям. На принципе звукоподражания, а также повтора звукоподражательных слов, например, строятся следующие онимы: Клык-Клык Грумбумбес, Ворон Каррыкарр, Кука Река Ку-Ку-Ку — Кука Река Ку-Ку-Кукиня — кукарекакукукятки, Бемекл — Бемеклиха — бемеклята, Чапа Лапа Га-Га-Га — Чапа Лапа Га-Га-Гагиня — чалапапагагагагеньчики, Мышка Шуршу.

Образование номинаций героев женского рода происходит с помощью суффиксов (и окончаний), характерных для женского морфологического рода, присоединяющихся к основам мужских номинаций: -ин-(а) — Чапа Лапа Га-Га-Гагиня, Кука Река Ку-Ку-Кукиня, Рюх Ух Тюхиня (ср.: княгиня, богиня, монахиня); -их-(а) — Бемеклиха, Бобреха, Кабаниха, Зайчиха, Олениха (ср.: повариха, портниха); -иц-(а) — Лисица, Волчица (ср.: жрица, львица, рукавица). По тому же принципу строится номинация детенышей: -ат/ят-(а) — сорочата, кукарекакукукята, бемеклята; -енок/онок- — бемекленок, лисенок, зайчонок; -еньк- + -ик- — чалапапагагагагеньчики.

Одним из продуктивных способов создания имени персонажа является повтор основ, положенных в основу онима, с прибавлением формантов, характерных русской официальной антропонимической системе: Боб Боб-ыч, Реп Репь -ёв-ич, Гад Гад -ов-ич, Хитр -ей Мудр -еич. Еще один способ, которым пользуется автор — рифмующийся второй компонент в номинации героя: Старичок Лесовичок, Ежи-сторожи, Гномик-карапузик, Кедровка-плутовка, Паучок-крестовичок, Туча-Злюча, Игрушка-безделушка.

Сочетание элементов фонетического и морфологического уровней проявляется в антропонимах, построенных на игре слов. Так, например, Морковка становится Мери Ковкой, а Петрушка — Питером Ушкой. Образованные имена фонетически схожи с исходными наименованиями, но уже приобретают новую смысловую наполненность: ленивые («мы умеем бить баклуши»), ведущие праздный образ жизни, нежелающие помогать другим, а предпочитающие жить на всем готовом. Примечательно использование антропонимических моделей иностранного имени (хотя в тексте упоминается, что прежде героев звали просто Морковка и Петрушка: «Я их узнал. Это же Морковка с Петрушкой. Ишь как они вырядились, как нарядились!»), что может намекать на ассоциативную связь вышеперечисленных характеристик с образом людей, живущих за границей устроенного героями города, то есть можно предположить, что данные онимы выполняют идеологическую функцию.

Номинативный ряд повестей сказок можно распределить на группы, представленные простыми именами — Ромка, Леопольд, Лешак, сложными — Ледомор, Каррыкарр, и составными — Лисица-огнёвка, Кедровка-плутовка, Краб-великан. Надо сказать, что в поэтической лаборатории Лагунова присутствует группа имен, образованных с помощью уменьшительных аффиксов, так называемые диминутивные онимы: Кукурузинка, Орешек, Перчик, Водомерчик, Маковка, Водяной Ослик, Рябинка — Полинка, Мышка Шуршу, Дюзик. Этот способ образования помогает автору подчеркнуть малый размер персонажей, а также передать своё субъектно-оценочное отношение, а именно симпатию, сочувствие. В противоположность им в текстах выступают аугментативные (увеличительно-усиливающее слово или форма слова) онимы: Рыжий Котище, Налимище, Ветрище, Лешак.

Пейоративная лексика, выполняющая в тексте номинативную функцию, используется автором в следующих случаях:

- для номинации отрицательных героев — страшила, вор, бандит, недруг, палач;
- для номинации героев на основе характера/ внешних данных — ворчун, драчун, чудак, крикун, задира;
- в речи главных героев для отрицательной оценки действия других — торопыга, умник, трус/ трусиха;
- в речи отрицательных героев по отношению к своим врагам или своим же союзникам — негодяй, дуралей, дурак, негодница, мерзавка, лентяй, «балбес балбесом», нахалы.

Таким образом, антропоним в повестях-сказках К. Я. Лагунова выступает смысловым центром текста, аккумулирует в себе смысл, стилистику и поэтику произведения и может рассматриваться как своеобразный ключ к его пониманию. Выделенный графически, лексически и структурно он интерпретируется читателем как наиболее заметная его часть.

К. Я. Лагунов старается привлечь всевозможные средства для пробуждения читательского интереса, а также для сохранения именованного в памяти маленького реципиента. Этому способствует и разнообразие использованных структурных моделей онимов, и необычность их содержательной стороны, и элементы авторской игры.

Литература

1. Калинин В. М. Поэтика онима. М.: Просвещение, 1997. 201 с.
2. Лагунов К. Сказки. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1994. 528 с.
3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
4. Суперанская А. В., Сулова А. В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1985. 222 с.
5. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
6. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990. 103 с.

М. И. Мехеда, г. Тюмень

РЕЧЕВАЯ ЭКОНОМИЯ В РУССКОМ ОККАЗИОНАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Доминирование разговорной речи в общем языковом пространстве является несомненным фактом и определяет повышенное внимание лингвистов к живой естественной речи, которая «в наименьшей степени затронута внешними влияниями [1: 251]. В настоящей статье мы рассмотрим ряд особенностей современного окказионального словообразования в русской разговорной речи, поскольку именно индивидуальное словотворчество позволяет в более естественных условиях наблюдать влияющие на развитие речи и языка в целом такие процессы, как повышение информативной нагрузки лексических единиц, экспрессивизация отдельных единиц и речи в целом, а также экономия умственных и физических усилий как один из определяющих факторов речетворчества на современном этапе и в эволюционной перспективе. Индивидуальное словотворчество, которое является одним из основных параметров разговорной речи, представляет интерес как с позиции изучения тенденций развития словообразования в русском языке, так и в качестве материала для исследования ментальных процессов, задействованных при «словотворении», ведь окказионализм, рожденный в процессе словотворчества, является, с одной стороны, результатом «деятельности» устоявшегося языкового аппарата и, с другой стороны, продуктом фантазии, вдохновения и преднамеренной работы мысли индивидуума — носителя языка. Окказионализмы (ОК), вероятно, могут раскрыть определенные секреты тех мотивирующих факторов, которые приводят в действие когнитивные механизмы в процессе создания нового слова.

Разнообразные словообразовательные и функциональные аспекты русской разговорной речи в целом и разноуровневые параметры окказиональной лексики в частности уже многие годы находятся в фокусе внимания отечественных лингвистов (Н. Г. Бабенко, Т. Г. Винокур, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, В. Д. Лютикова, А. Г. Лыков, О. Г. Ревзина, Н. Н. Розанова, О. Б. Сиротинина, А. П. Сковородников, Н. И. Фельдман, Э. И. Ханпира, В. В. Химик и др.). Основными характеристиками данной подсистемы являются непринужденность акта коммуникации и относительная свобода от регламентирующих рамок стандартных структур, что является стимулом к активности индивидуального словотворчества. Нейтральная лексика и структуры литературного языка зачастую неадекватны желанию эмоционального самовыражения; стандартные рамки препятствуют свободному общению, в связи с чем количество субстандартных новообразований постоянно увеличивается. В. Д. Лютикова подчеркивала, что «существующая языковая система, как бы богата она ни была, может не всегда удовлетворять потребности выражения по причине отсутствия в ней нетривиального содержания» [2: 120]. При этом выбор общеупотребительной или субстандартной лексической единицы (либо создание окказионализма) зависит от цели коммуникации, ситуативных условий, среди которых можно назвать эмоциональное состояние говорящего, социальные и психофизиологические особенности личности говорящего и реципиента, временные рамки ситуации и т. д. При определенных условиях говорящий вынужден прибегнуть к созданию нового слова. Мы предполагаем, что одним из основных факторов, мотивирующих говорящего на словотворение, является экономия умственных усилий. Дан-